

Анна Веммер

*# Золушка
в постель*

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В28

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*
Дизайн переплета *Дарьи Васильченко*
Иллюстрации на переплете *Катерины Косьяновой*

Веммер, Анна.
В28 #Золушка в постель : [роман] / Анна Веммер. —
Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-181818-0

Аня Калинина – сирота, ей приходится работать горничной, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

Игорь Крестовский – успешный бизнесмен и глава уважаемой семьи. Он привык держать все под контролем.

Выполняя завещание своего покойного отца, он приглашает Аню к себе домой. Кто она такая? И почему отец решил оставить ей часть наследства? Игорь обязательно выяснит это. Вот только почему его так сильно тянет к этой девушке?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181818-0

© Веммер А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Предисловие

Когда-то эта книга называлась «Звездный ветер». Но я почему-то считала, что это название ей не подходит. Однажды молодой человек принес мне кофе в постель. Как в кино, дымящуюся чашку и конфетку в яркой обертке, мою любимую. Утреннее солнце, ароматный кофе, романтика и забота — было приятно, не спорю. Только вот обратная сторона романтической сказки оказалась... прозаичной.

Сначала оглушительно громко работала кофемашина, потом раздался «бздынь!» и следом за ним «блин!» — так погибла кружка из любимого сервиза, потом я обнаружила, что пить кофе с нечищеными зубами совсем невкусно, а вместо конфетки желудок требует хотя бы бутерброд.

Вечером я села и поменяла название файла на «#Золушка в постель». Как кофе в постель: красивая картинка для соцсетей — разочаровывающая реальность. Сказка об удачливой Золушке — непростая жизнь в мире, где ей совсем не рады.

Конечно, это всего лишь красивая история любви. Я вообще предпочитаю писать о любви, потому что писать о ненависти желающих и без меня достаточно. Но еще эта книга о том, что мне бы хотелось прокричать так громко, как только возможно. А автор всегда говорит через своих героев.

Аня Калинина должна понять, что любые отношения требуют работы. Что можно нести свет даже в абсолютной темноте, и вскоре непременно из нее

выбраться. Что не все, кого мы называем друзьями, являются таковыми на самом деле, а некоторые враги могут оказаться самыми близкими людьми. И что не всегда мы такие, как о нас думают люди вокруг.

Игорь Крестовский — это история о том, как меняет людей ответственность за семью. И как сложно эту ответственность принимать. О том, как тяжело сохранять баланс между любовью и строгостью по отношению к тем, кого хочешь защитить.

Самая сложная для меня линия в этой книге — Кристина Крестовская. На первый взгляд она вызывает неприязнь, на второй — презрение. «Нельзя о таком писать!» — первая мысль, которая возникнет, когда вы дойдете до середины девятой главы. Но если дочитаете до конца, то, хочется верить, я сумею вас удивить. И, может, вы если не полюбите ее, то хотя бы поймете.

Потому что история Кристины, она о том, как важно родителям любить своих детей. Что никакие деньги не заменят родительской заботы. Что порой детям не нужно все самое лучшее, им нужно немного тепла. Ну и заботы не только о физическом, но и о ментальном здоровье — оно в случае Крис даже чуть более важно.

Может показаться, что книга — сборник нравоучений от автора, но нет. В первую очередь это сказка о Золушке. Только не той, что сбежала с бала в полночь. Здесь вместо феи-крестной — бездушное завещание, вместо принца — совсем не идеальный богач, вместо злобных сестер — избалованные наследники, а вместо превращающейся в карету тыквы страшная тайна прошлого, спустя много лет связавшая судьбы Ани и семьи Крестовских.

Ах да, еще здесь есть Алекс... но, если захотите, его историю я расскажу отдельно, она стоит того.

С любовью к своим читателям, коллегам и команде, давшей «#Золушке» шанс покорить ваши книжные полки.

Анна Веммер

Глава 1

Папа нередко называл меня звездным ветром. За веселый характер, за синие глаза и любовь к блескам. О, я просто обожала эти маленькие мерцающие частички. Они казались приветом из другого мира. Благополучного, сытого, счастливого. Там, где дети носили сверкающие платья, все было иначе, нежели у нас. Но, несмотря на все трудности, я любила это прозвище, и особенно интонацию, с которой его произносил отец. Ласково и тепло.

Уже больше года никто меня так не называл.

Воспоминания, как всегда, накатывают не вовремя. За рулем или пока красишь ресницы. Или когда драишь унитаз в очередном, кажется, десятом по счету, гостиничном номере.

Я трясую головой, чтобы избавиться от накатившей тоски, и иду к тележке за одноразовым шампунем и щетками. Номер блестит, но кому есть до этого дело? Я даже не знаю, заедет ли кто-то сюда сегодня. В голове лишь мысли о том, что вот-вот закончится смена и я упаду в постель без задних ног. О, блаженствует тот, у кого впереди выходной!

— Аня... — слышу я из коридора и узнаю голос Анзурат — еще одной горничной.

Она держится за живот и морщится, будто от боли. Хмурюсь:

— Тебе плохо?

— Да, что-то желудок болит.

Вздыхаю. Анзурат начисто игнорирует все мои попытки объяснить, к чему ведет плохое питание. Я знаю, что она отправляет деньги старенькой маме, но все равно злюсь, потому что теперь мне придется убирать и ее номера.

— Мне остался только люкс, — говорит она. — Поможешь? Смену пополам.

Снова вздыхаю, но знаю, что соглашусь. Не отправлять же ее работать больную, да и лишняя копеечка не помешает. Хоть она и в прямом смысле копеечка, ведь Анзурат платят еще меньше, чем мне.

«Настоящая дискриминация», — думаю я, поднимаясь на двадцать пятый этаж, к люксам и студиям. В огромном штате горничных большинство — приезжие. Такие, как Анзурат, берущиеся за любую работу, чтобы хоть немного денег отправить семье. И такие, как я, — девицы без образования и жилья. Нам хоть и не надо отправлять никому деньги, все равно живется не слишком кучеряво.

Из люкса недавно выехала вполне приличная семейная пара. Кажется, они были туристами из Лондона. В любом случае они оставили номер практически в идеальном состоянии, и я резво берусь за уборку. За окном уже давно стемнело, и на меня смотрит огромная луна. В центре города, где нет заводов и смога, ее видно очень хорошо. Задвигаю шторы: мне немного уютно в ее свете.

Шумит пылесос, я напеваю под нос какую-то дурацкую песенку, а потому не слышу за своей спиной тяжелые шаги. Ковролин глушит все звуки, и, когда мне на плечо опускается рука, я вскрикиваю и отпрыгиваю в сторону — мне адски страшно. Сердце бухает в груди как сумасшедшее.

— Простите, — говорит незнакомец.

Я выключаю пылесос и украдкой его рассматриваю. Он выше меня на две головы, четко очерченные скулы, темные, почти черные глаза и тонкие губы при-

дают ему немного суровый вид. Наглухо застегнутое драповое пальто идеально: на нем ни пылинки, ни капельки дождя.

— Извините, — почему-то я говорю это почти шепотом.

Он пугает меня. Пугает пристальным взглядом, пугает видом. Один мир вдруг столкнулся с другим, а такие касания никогда не несут ничего хорошего.

— Это мой номер, — говорит он.

— О... прошу прощения. Я не успела его убрать, у вас ранний заезд?

— Да, я приехал внезапно.

— Все будет готово через тридцать минут. Дальше по коридору вы можете пройти в ВИП-гостиную, вам подадут кофе или другие напитки, закуски и свежую прессу.

— Спасибо. — Он все так же не сводит с меня глаз.

Мы стоим и совершенно по-идиотски пялимся друг на друга. Он не двигается с места, а моя рука замерла над кнопкой включения пылесоса.

Это то, что я ненавижу: его взгляд буквально ощупывает меня с ног до головы. Как ученый под микроскопом изучает клетку, богач рассматривает прислугу, традиционно задерживая взгляд на голых коленках. Я подавляю желание одернуть юбку и, как барон Мюнхгаузен, вытаскиваю себя за косичку из болота: включаю пылесос и начинаю обрабатывать диван.

Краем уха слышу, как он уходит, и с ужасом понимаю, что сердце бьется прямо у горла, отчего меня слегка мутит.

На самом деле только в кино симпатичную горничную увозит страстный миллионер и они живут долго и счастливо. В нашем сериале иной сюжет: мы — невидимки. Редко кто обращает внимание на худеньких девочек, спящих туда-сюда в бело-голубых платьях. Ну, это если не нужно наорать за какой-нибудь промах, конечно. Тут мы в первых рядах, отгребаем больше, чем можем унести.

Обычно я убираюсь намного медленнее. На уборку номера нам дают два часа, и за эти два часа мы должны вылизать все. Но в этот раз почему-то хочется закончить как можно скорее. Усталость забыта, я летаю по комнате с тряпкой и тщательно вытираю каждую поверхность. А когда заканчиваю, понимаю, что уложилась минута в минуту: стрелка на часах останавливается на цифре восемь.

Окидываю номер оценивающим взглядом и киваю: все убрано почти идеально. Отваливается спина, гудят ноги, но близость окончания смены толкает вперед, уговаривает потерпеть еще чуть-чуть. Я отвожу тележку и иду в гостиную, чтобы сказать гостю об окончании уборки.

Он пьет красное вино, а из удобного кожаного кресла открывается потрясающий вид на город. Я так редко бываю в ВИП-гостиной, что этот вид завораживает меня, захватывает дух.

Мужчина видит меня в отражении в окне и оборачивается.

— Номер готов, у вас будут ко мне какие-то просьбы?

— Будет... — Его голос хриплый, низкий, окутывает странным жаром. — Как тебя зовут?

— Анна.

— А фамилия?

Хмурюсь: ему совершенно незачем знать обо мне больше, чем имя на бейджике. Тем более что завтра его номер будет убирать совсем другая девушка.

— Извините меня, но у нас строгие правила. Я не могу беседовать с гостем на отвлеченные темы.

Кошусь на бармена за стойкой, но он не то действительно нас не слышит, не то делает вид.

— Хорошо. — Гость поднимается и ставит бокал на стойку. — Покажи, где номер, я не очень хорошо у вас ориентируюсь.

Выхожу из гостиной. Чувствую затылком его внимательный взгляд и стараюсь идти ровно и спокойно.

Не сказать чтобы внимание гостя для горничной было в новинку: пошутить и пофлиртовать с хорошенькой девчонкой хотят нередко. Но от обычного гостя легко отшутиться, ему можно улыбнуться — и уйти работать дальше, отчасти даже испытывая радость от неожиданного комплимента.

С ним не работает. С ним чувствуешь себя не легко, а словно во сне, с трудом преодолеваешь бесконечный коридор. Каждый шаг требует таких затрат энергии, что, остановившись перед дверью его номера, я на миг касаюсь ладонью холодного дерева.

— Все в порядке? — спрашивает он. — Анна, ты кажешься бледной. Тебе надо сесть.

Я пытаюсь протестовать, но его пальцы смыкаются на моем плече. Хватка настолько сильная, что ничего другого не остается: я вхожу в номер и падаю в кресло, к которому он меня подводит.

— Со мной все в порядке, правда, — делаю вялую попытку подняться. — Я устала под конец смены, мне надо успеть на метро...

— Метро будет работать еще долго, — отрезает гость. — Сиди.

Наливает в высокий стакан воды и протягивает мне. Я молюсь, чтобы он не заметил, как дрожит рука.

— Тебе следует больше отдыхать. В двадцать кажется, что здоровье бесконечно, однако это не всегда так.

Я делаю глоток воды, и тут меня озаряет: откуда он знает мой возраст?! Я бормочу слова благодарности и поднимаюсь. Хочу сбежать отсюда раз и навсегда, но моя попытка прерывается его... нет, не криком и не приказом, а каким-то глухим рыком:

— Сиди!

— Что за...

— Сиди, Анна, мне нужно с тобой поговорить.

— О чем? Я вас не знаю, и учтите, у меня есть рация, и вы не можете держать меня здесь силой!

— А у меня есть деньги, чтобы заткнуть твоей рации рот. Посиди немного и послушай. Тебе говорит что-нибудь фамилия Крестовский?

Качаю головой, окончательно переставая что-либо понимать.

— Хорошо, а Ампилов?

— Это... это фамилия папы.

Он знает отца? Слишком молод, чтобы быть его другом или знакомым. Слишком взрослый, чтобы быть воспитанником. Кто?

— Отлично. Значит, я не ошибся. Ты дочь Ампилова.

Снова киваю, сжимая стакан. Он наверняка вот-вот разлетится на тысячу маленьких осколков.

— Меня зовут Игорь Крестовский, я — сын Олега Крестовского. Отец умер, и теперь ты — ключ к его завещанию и моим деньгам.

Приехали. Кажется, я схожу с ума.

— Вы что-то путаете. Я не могу иметь отношение к каким-то деньгам. У меня нет родных, друзей, а папа был школьным учителем. Вряд ли он прятал золото в школьном спортзале.

Я чувствую, как тиски страха немного разжимаются, и снова получаю способность защищаться. Этот человек рушит мой привычный мир, а еще он враждебен. Я чувствую это и внутренне напрягаюсь. Ничего хорошего ждать не приходится.

— Боюсь, что я ничего не путаю, — говорит он. — Мой отец умер полгода назад.

— Соболезную, — говорю я и тут же осекаюсь под недовольным взглядом — призывом не перебивать.

— В его завещании было условие. Мы получим все деньги лишь в том случае, если разыщем тебя, Калинину Анну Артемовну, и ближайшие пять лет будем обеспечивать. Там много разных условий, подробнее сможешь ознакомиться с текстом в машине.

— В к-какой машине?

— Ты едешь со мной.

Он говорит это так легко и просто, словно речь идет о чем-то рядовом. Показать дорогу или посидеть денек с ребенком. Вот только речь идет не о работе няни, а о... впрочем, я даже не знаю о чем.

— Почему ваш отец поставил такое условие? Я ведь никогда о нем не слышала.

— Не имею ни малейшего понятия. — Он перестает буравить меня взглядом и отворачивается к окну.

Страх ослабевает еще немного.

— Нужно будет сделать ДНК-тест. После него, возможно, что-то прояснится.

— Что прояснится?

— Не знаю. — Он пожимает плечами: — Может, мой отец знал твою мать, а твой отец ходил с рогами. Всякое бывает.

— Не смейте так про мою семью!

— Ой, — Крестовский морщится, — давай только без пафоса. Я не знаю, почему мой отец заставил нас тебя обеспечивать. И не уверен, что хочу знать. Сейчас моя задача — организовать все с наименьшими потерями.

— А что насчет моих потерь?

— Ну конечно, будет обидно потерять такое теплое местечко в штате этого клоповника, — язвительно произносит он.

Я задумчиво смотрю на мужчину и думаю, что внешняя красота совсем не обязательно отражает внутреннюю. Или деньги — это яд, который медленно отравляет организм? С самого рождения крохотными дозами уничтожает внутри что-то хорошее, что есть даже в усталой и хмурой уборщице Анзурат, но почему-то нет в этом холеном и красивом мужчине.

— Ты меня слушаешь вообще? — Он сердится.

Я понимаю, что за размышлениями практически отключилась.

— Я говорю, что предлагаю тебе сделку. Ты побудешь хорошей девочкой на обеспечении богатой се-

мы, а я тебе за это заплачу. И не придется унитаза драить — тоже несомненный плюс.

Уехать в неизвестность с тем, кто поманил деньгами? Нет, я слишком хорошо знаю, чем заканчиваются подобные авантюры. Девушки, которых никто не будет искать, бедные, готовые взяться за любую работу — лакомый кусочек для проходимцев.

Я стараюсь не думать о том, что Крестовский нашел меня словно специально, выяснил так много подробностей. Я стараюсь сообразить, как сбежать отсюда. Кошусь на дверь, но она заперта.

— Ты вообще представляешь, о каких деньгах идет речь? Одной сотой этой суммы хватит тебе и твоим детям на безбедную жизнь.

— И ради денег я, по-вашему, брошу все, сорвусь и буду жить в неизвестно чьем доме по воле незнакомого мертвого мужика? Да и воле, подкрепленной пока только вашими словами? Вы запираете меня в комнате, говорите странные вещи, неужели всерьез надеетесь, что я забуду об осторожности и поведусь на сказку о Золушке? Сяду в вашу машину и уеду в неизвестность? Если вы сейчас же не отпустите меня, я вызову полицию!

У меня нет с собой телефона, есть только рация, по которой можно связаться с консьержем, но Крестовский об этом не знает. Сердце гулко стучит, я надеюсь, что он испугается, но на лице его не отражается ни единой эмоции. Кроме, может быть, легкого раздражения.

— Понятно. На то, что будет просто, я даже не надеялся.

Мы некоторое время молчим, но мое терпение на исходе. Первое впечатление, произведенное этим Крестовским, уходит. Я снова становлюсь собой, я готова к бою. Но он или знает это, или просто не хочет связываться. Пожимает плечами:

— С тобой свяжется мой адвокат.

Я думаю, что вряд ли стану с ним разговаривать, но вслух это не произношу. Поднимаюсь и коротко прощаюсь. Карта-ключ от номера лежит на столе, я беру ее и крепко сжимаю. Вот мой путь на свободу. Едва я окажусь за дверями номера, спрятаться будет проще. В голове вертятся смутные воспоминания о каких-то бесплатных юридических консультациях и центрах по борьбе с мошенничеством, но ничего конкретного я вспомнить не могу. Дома можно будет залезть в интернет и поискать, наверняка... Хотя о чем я? Не существует ответа на вопрос: «Что делать, если какой-то псих утверждает, что ты вписана в завещание его отца?»

Всю дорогу до комнаты персонала (Анзурат еще называет ее на английский манер «стафф-рум», так, ей кажется, звучит престижнее), из скудных знаний о юриспруденции я пытаюсь понять, могут ли по завещанию совершенно постороннего человека заставить что-то меня сделать.

Логика говорит, что нет, но червячок сомнения неспешно подтачивает уверенность и спокойствие.

— Аня! — старшая горничная радуется, увидев меня. — Я думала, ты уже ушла.

— В люксе была куча работы. Требовательный клиент.

Я достаю из шкафчика сумку и начинаю переодеваться.

— Слушай, а на пару часов еще не останешься? В двенадцати номерах был поздний выезд, а завтра приезжает группа китайцев, человек тридцать! Девочки не справляются. Я тебе дополнительно ночные часы поставлю, побольше.

Замираю, так и не успев натянуть свитер. Очень хочется домой: я устала, растеряна, голова начинает болеть, а еще в ней прочно поселился этот Игорь Крестовский. Но дополнительные ночные часы — это дополнительные деньги. А усталость не такая уж и сильная, бывало и хуже.

